
ЛИТЕРАТУРА XX–XXI вв.

Русская литература

УДК: 821.161.1

DOI: 10.31249/lit/2024.02.14

КОРОВАШКО А.В.¹ ПУШКИНСКИЕ МОТИВЫ И ПОДТЕКСТЫ
В ЛИРИКЕ М.И. ЛОПАТТО©

Аннотация. Статья посвящена пушкинским мотивам и подтекстам в лирике Михаила Иосифовича Лопатто (1892–1981) – поэта и прозаика, начавшего свой творческий путь еще до революции (первый сборник стихов М.И. Лопатто, «Избыток», вышел в 1916 г. в Петрограде), но после отъезда из России в 1920 г. публиковавшегося уже только во Франции и Италии. Интертекстуальный диалог с пушкинским поэтическим наследием проявляется у М.И. Лопатто в пяти основных формах: прямое обращение к стихотворениям классика, устраняющее какие-либо сложности в их идентификации; их неполное («метонимическое») название и воспроизведение, предполагающее хотя бы минимальную осведомленность читателя в истории русской поэзии; отсылка к пушкинским произведениям, не содержащая прямых цитат, но, благодаря легко узнаваемой образности, безальтернативно трактуемая как результат заочного диалога с ними; использование ритмико-синтаксических формул, восходящих к пушкинским текстам и сохраняющих частичное лексическое тождество с первоисточником; гипотетически опознаваемые аллюзии, доказательность существо-

---

¹ **Коровашко Алексей Валерьевич** – доктор филологических наук, ведущий кафедрой русской литературы Института филологии и журналистики Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского; korovashko@flf.unn.ru

© Коровашко А.В., 2024

вания которых обеспечивается не столько дискурсивными суждениями, сколько предположениями интуитивного характера.

Ключевые слова: А.С. Пушкин; М.И. Лопатто; интертекстуальный диалог; пушкинские мотивы; продолжения пушкинских произведений.

Для цитирования: Коровашко А.В. Пушкинские мотивы и подтексты в лирике М.И. Лопатто // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 7: Литературоведение. – 2024. – № 2. – С. 201–210. – DOI: 10.31249/lit/2024.02.14

KOROVASHKO A.V.¹ Pushkin's motives and subtexts in the lyric poetry by M.I. Lopatto©

Abstract. The article examines Pushkin's motifs and subtexts in the lyric poetry of Mikhail Iosifovich Lopatto (1892–1981), a poet and prose writer who commenced his literary career before the revolution (his inaugural collection *Excess* was published in 1916 in Petrograd), but after leaving Russia in 1920 he published his works exclusively in France and Italy. The intertextual dialogue with Pushkin's poetic heritage is discernible in five principal forms: explicit reference to the classic's poems, eliminating any difficulty in their identification; their partial ("metonymic") invocation and reproduction, assuming reader's foundational knowledge of the history of Russian poetry; allusions to Pushkin's works, devoid of direct quotations, yet, due to its easily recognizable imagery, unambiguously interpreted as products of some sort of a dialogue in absentia with them; the employment of rhythmic-syntactic formulas tracing back to Pushkin's texts and preserving partial lexical identity with their source; hypothetically identifiable allusions which existence is proved not so much by discursive judgments as by intuitive assumptions.

Keywords: A.S. Pushkin; M.I. Lopatto; intertextual dialogue; Pushkin's motifs; continuations of Pushkin's works.

To cite this article: Korovashko, Alexey V. "Pushkin's motives and subtexts in the lyric poetry by M.I. Lopatto", Social sciences and humanities.

---

¹ **Korovashko Alexey Valerievich** – Doctor in Philology, Head of the Department of Russian literature at the Institute of Philology and Journalism of the Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod; korovashko@flf.unn.ru

© Коровашко А.В., 2024

Domestic and foreign literature. Series 7: Literary studies, no. 2, 2024, pp. 201–210. DOI: 10.31249/lit/2024.02.14 (In Russian)

Михаила Иосифовича (Осиповича) Лопатто (1892–1981) чаще всего вспоминают в аспекте бахтиноведческих изысканий, поскольку он был близким другом Николая Бахтина – старшего брата знаменитого создателя диалогической поэтики и теории карнавальной культуры. Литературное творчество самого Лопатто лишь изредка становится объектом научного исследования, будучи оттеснено на второй план «показаниями» Лопатто-мемуариста, занимательными подробностями его личной биографии, тесно связанной с историей культуры Серебряного века.

Не будет, однако, преувеличением, если мы скажем, что вся творческая деятельность Лопатто проходила под знаком освоения пушкинского наследия. Так, на правах участника Пушкинского семинария, организованного С.А. Венгеровым, Лопатто опубликовал в третьем выпуске историко-литературного сборника «Пушкинист» две работы соответствующей тематики: «Повести Пушкина: опыт введения в теорию прозы» [Пушкинист, 1918, с. 3–50] и «Эпитет XIII-ой главы “Капитанской дочки”» [Пушкинист, 1918, с. 51–63]. Новаторские для своего времени, эти протоформалистские штудии не утратили своего значения даже сегодня [Гржибек, 2015]. Важное место занимает пушкинская тема и в главном прозаическом эксперименте Лопатто – авантюрно-философском романе «Чертов сын»¹. Наконец, в лирике Лопатто, корпус которой невелик по объему, аллюзии на пушкинские тексты встречаются довольно часто и приобретают самые разные формы.

В рамках настоящих заметок мы попытаемся не только выявить пушкинский «слой» в стихотворениях Лопатто, но и дать первичную классификацию его основных элементов.

Открывать эту классификацию должны, безусловно, те случаи, когда обращение к пушкинским текстам декларировано напрямую. Таковую декларацию мы находим в эпиграфе к двум «Сонатинам», опубликованным в книге Лопатто «Стихи», вышедшей в

---

¹ Первоначально был издан на итальянском языке в 1977 г. Перевод итальянской версии на русский язык был осуществлен Е. Прокопьевой [Лопатто, 2015, с. 151–368].

1959 г. в Париже. Эпиграф этот представляет собой черновое пушкинское двустручие, при жизни поэта не печатавшееся:

В рюмке светлой предо мною
Брызжет, пенится вино.

Пушкин

[Лопатто, 2015, с. 97]

Эпиграф не просто задает смысловое наполнение обеих сонатин. Первая из них, начинающаяся с указанного пушкинского двустручия, построена как его «дописывание» или, говоря иначе, как его развертывание до масштабов полноценного стихотворения. В этом отношении она может быть сопоставлена с многочисленными продолжениями других пушкинских произведений: драмы «Русалка» (Д.П. Зуев, А.Ф. Вельтман, В. Набоков), лирического отрывка «В голубом эфире поле...» (А.Н. Майков, В.Ф. Ходасевич, Г.А. Шенгели), повести «Египетские ночи» (В.Я. Брюсов, М.Л. Гофман)¹.

Если черновое двустручие Пушкина является фундаментом первой сонатины Лопатто, то ее несущие стены возведены с помощью «Стихов, сочиненных во время бессонницы». Обеспечив перекрестной рифмовкой фразы эпиграфа («...Льдистой сковано струею, / Рои искр рождает дно» [Лопатто, 2015, с. 97]), Лопатто занимается затем созданием картины ночного визита таинственного гостя, в которой явственно просматриваются мотивы и словесные формулы названного пушкинского текста. Так, его экспозиция («Мне не спится, нет огня; / Всюду мрак и сон докучный. / Ход часов лишь однозвучный / Раздается близ меня, / Парки бабье лепетанье, / Спящей ночи трепетанье, / Жизни мышья беготня...» [Пушкин, 1948, с. 250]) оказалась отражена в первой строфе сонатины, в той ее части, которая идет после начальных четырех строк: «Ум мой ясен, мне не спится, / Заплыла, дрожа, свеча. / Полночь бьют часы, ворча. / Гость за стол ко мне садится. / И рукой слегка дрожащей / Гостю рюмку я налью. / Сердце радостней и чаще / В грудь колотится мою» [Лопатто, 2015, с. 97].

---

¹ Подробный перечень продолжений перечисленных пушкинских произведений, сопровождаемый установлением их типологии, см.: [Абрамовских, 2007].

Во второй строфе угадываются отзвуки завершающей – просительной – части пушкинского стихотворения¹ («Что тревожишь ты меня? / Что ты значишь, скучный шепот? / Укоризна, или ропот / Мной утраченного дня? / От меня чего ты хочешь? / Ты зовешь или пророчишь? / Я понять тебя хочу, / Смысла я в тебе ищу...») [Пушкин, 1948, с. 250]): «Кто ты, чьею вызван силой / К жизни из небытия? / Что таишь ты от меня, / Призрак женственный и милый? / Гибель, счастье ли, измены – / Что пророчишь мне без слов? / Острой бритвой вскрыть ли вены / Ложной жизни ты готов? / Иль на запах наслажденья / Рвешься, памятью смущен, / Волей злой осилив сон / Фосфорического тленья? / Если ты забвеньем мучим, / Брат мой милый и двойник, / Пусть причастье струй шипучих / Жизнь в тебя вдохнет на миг!» [Лопатто, 2015, с. 97–98].

Заключительная строфа сонатины Лопатто не корреспондирует со «Стихами, сочиненными во время бессонницы», зато содержит очередное повторение эпиграфа, данное, правда, в инверсированной форме: «Но свеча уж догорает, / Блекнет ночь, поет петух. / Тайный гость мой исчезает, / Грустен, женственен и глух. / Тих весь дом, любви звездой / Вдруг волшебнo зажжено, / Брызжет, пенясь, предо мною / В рюмке светлое вино» [Лопатто, 2015, с. 98]. Благодаря этому приему сонатина приобретает, по терминологии В.М. Жирмунского, «композиционную форму большого кольца» [Жирмунский, 1921, с. 64]².

Открытое обращение к пушкинским текстам, оформленное по всем правилам строгого цитирования и лишь потом оборачивающееся игрой с первоисточником, сопровождается у Лопатто их неполным – метонимическим – названием, предполагающим хотя бы минимальную осведомленность читателя в истории русской поэзии. Такое «метонимическое» воспроизведение пушкинских

---

¹ Однако и у Пушкина, и у Лопатто к вопросительным частям примыкают части повествовательные. При этом у Пушкина эта повествовательная часть охватывает два стиха, а у Лопатто – четыре.

² Если последовательно придерживаться той систематики, которая была предложена В.М. Жирмунским, то следует отметить, что сонатина Лопатто относится к «обращенному типу» большого кольца, обозначаемому формулой 1,2=4,3 [Жирмунский, 1921, с. 72]. Образцами данного типа также являются, например, «Месяц зеркальный...» и «Романс» А.А. Фета.

текстов мы наблюдаем в стихотворении «Идиллия», вошедшем в первый поэтический сборник Лопатто «Избыток» (1916). Обрисовав райскую жизнь на летней даче, сочетающую комфортный быт с перипетиями любовного романа, Лопатто намечает в последней строфе переход от идиллии к элегии, символизирующий неизбежный конец вакационных удовольствий: «Я полон чувств. Я опьянен / Природой, песней, Амариллис... / И лишь соседский граммофон / Поет: “Куда вы удалились”» [Лопатто, 2015, с. 16]. Автор «Идиллии» уверен, что для опознания арии Ленского из оперы П.И. Чайковского «Евгений Онегин» достаточно зачина тех стихов, которые «поклонник Канта и поэт» [Пушкин, 1937, с. 33] сочинил перед дуэлью.

Следующая группа текстов Лопатто, заключающих в себе отсылки к пушкинским произведениям, прямых цитат из них не содержит, но, благодаря легко узнаваемой образности, безальтернативно трактуется как результат заочного диалога с ними. К этой группе относится стихотворение «Сон» из уже упомянутого сборника «Избыток»:

Тупик и глухой палисадник,
А конь задыхается сзади,
И мечется бронзовый всадник.
Дрожа, припадаю к ограде.
И вот озираюсь с тоскою.
Пустынно. Вода. Корабли.
С холодною черной Невою
Там сходится море вдали.

[Лопатто, 2015, с. 21]

Несмотря на то что памятник Петру Великому вернул здесь себе аутентичную бронзу, стимул к тревожно-тоскливым сновидениям лирического героя не теряет своей очевидности. Это пушкинская поэма «Медный всадник» и один из ее ключевых эпизодов – погоня фальконетовской конной статуи за взбунтовавшимся Евгением¹.

---

¹ Объектом филологического анализа «Сон» Лопатто впервые стал в монографии А.Л. Осповата и Р.Д. Тименчика, посвященной созданию «Медного всадника» и его рецепции в русской литературе. Авторы этой монографии рассматривают «Сон» как «форму читательского самоотчета», с помощью которой автор «описал свой сон о Медном всаднике» [Осповат, Тименчик, 1985, с. 125–

Такое же «безцитатное» присутствие пушкинской поэзии характерно для стихотворения «Не поза и не любованье...» (парижский сборник «Стихи»). Его вторая строфа («Два-три стиха, не слов потоки, / Мои, быть может, не умрут, / Но сарт иль чукча ко-соокий / Их переливов не поймут» [Лопатто, 2015, с. 76]) дала исследователям основание утверждать, что у Лопатто «грядущее забвение входит в поэтическое кредо, противопоставляясь традиции пушкинского “Памятника”» [Тименчик, 1986, с. 67]¹. Однако такого рода утверждения по меньшей мере поспешны, поскольку в лирике Лопатто можно найти суждения, позволяющие совсем иначе реконструировать его поэтическое кредо. Например, в стихотворении «Чем дорог я тебе?..» ни о каком «грядущем забвении» речи не идет. Больше того, состав будущей корпорации ценителей творчества Лопатто интернационализируется настолько, что получает возможность вобрать в себя все существующие этносы, не исключая пресловутых сартов и чукчей: «Мир втянут в зыбь воронкою сомнений, / Рефлекс и зуд стоят в углу всех схем. / И никому средь новых поколений / Не будет дорог блеск моих поэм, / Но через годы оживет мой гений / В иных устах и станет вятен всем» [Лопатто, 2015, с. 79].

Самостоятельным вариантом лирической «пушкинианы» Лопатто следует считать наличие ритмико-синтаксических фор-

---

126]. Кроме того, А.Л. Осповат и Р.Д. Тименчик излагают основные положения доклада Лопатто «Проблема “Медного всадника”», прочитанного 27 февраля 1914 г. на заседании венгерского семинария.

¹ Любопытно, что, в отличие от других поэтических текстов, цитируемых в статье Р.Д. Тименчика, вторая строфа стихотворения Лопатто приводится без указания источника. Это, несомненно, обусловлено тем, что следующие строфы имеют ярко выраженный антисоветский заряд. Автор стихотворения гордится своей принадлежностью к тому поколению, которое, войдя в творческую жизнь за несколько лет до революции, сохранило независимость мышления и поведения и не видело ничего зазорного в своем социальном происхождении и эстетических пристрастиях: «Очарованье есть в паденьи, / И мы, последние из бар, / Мы пили нежное томленье, / Забав предгибельных отвар. / Но мы же встали над землею, / Распыленной в чаду, в крови, / И с обновленную душою / Мы бодро в жизнь, как в бой, пошли. // Мир жив, ночь сладострастно дышит, / А утро жадно ждет других. / Но нет, никто уж не услышит / Стихов пленительных таких!» [Лопатто, 2015, с. 76–77]. Таким образом, статья Р.Д. Тименчика является не только фактом истории литературоведения, но и фактом истории советской цензуры, точнее – борьбы с ней, техники преодоления цензурных рогаков.

мул, восходящих к текстам классика русской поэзии. Иногда они сохраняют частичное лексическое тождество с первоисточником, как, например, в стихотворении «Рождество» (сборник «Избыток»), в котором вторая строчка первой строфы перекликается с хрестоматийной начальной фразой пушкинского «Зимнего утра» («Мороз и солнце! день чудесный...» [Пушкин, 1948, с. 183]): «Камин горит. А за окном / *Мороз и солнце*. Свет и тени» [Лопатто, 2015, с. 19]¹. В других же случаях от ритмико-синтаксической формулы остается только каркас, удерживающийся благодаря одной-единственной лексической «подпорке», как это происходит в той же «Идиллии»: «Сегодня – сказка! день на даче, / Непринужденность, молоко, / *Гамак и солнце, писк цыплячий* / И мебель в стиле рококо» [Лопатто, 2015, с. 16]. Впрочем, из-под пера Лопатто выходили тексты, в которых корреляция с тем или иным пушкинским произведением поддерживалась не ритмическими дублетами, а сохранением именно лексического строя, повторением общего смыслового посыла. Например, написанное четырехстопным хореем стихотворение «Вечер» ритмически нельзя соотносить с пушкинским «Пора, мой друг, пора! покоя сердце просит...», являющим собой образец шестистопного ямба. Но семантическая структура второй строфы «Вечера» («Счастья нет, а есть томленье, / И тревога, и покой. / Слышно сладостное пенье / За туманную рекой» [Лопатто, 2015, с. 113]) не оставляет сомнений, что Лопатто развивает в ней мотивный комплекс пятой строчки названного пушкинского отрывка: «На свете счастья нет, но есть покой и воля» [Пушкин, 1948, с. 330].

В некоторых стихотворениях Лопатто аллюзии к пушкинскому наследию могут быть опознаны только гипотетически, так как ощущаются почти что на интуитивном уровне. Примечательно в этом отношении «Посещение» (1920), вошедшее в сборник «Стихи». Сквозь миф об Амуре и Психее в нем как бы «проступает», вопреки всей неожиданности подобного сближения, пушкинский «Пророк». Первые две строчки второй строфы «Посещения» («Но, жаждой новой томима, / Над спящим наклонилась ты» [Лопатто, 2015, с. 112]) не могут не вызвать ассоциаций как с началом

---

¹ Выделение курсивом и полужирным шрифтом здесь и далее принадлежит нам. – А. К.

пушкинского текста («Духовной жаждою томим...» [Пушкин, 1948, с. 30]¹), так и с изображаемой в нем «мизансценой» (большую часть действий над будущим пророком, охваченным подобием вечного сна, посланник высших сил совершает, склонившись над ним). Опрокинутая Психеей лампада, «горячим маслом» которой «обожжено бедро» [Лопатто, 2015, с. 112] Амура, может быть поставлена в соответствие с «углем, пылающим огнем» [Пушкин 1948, с. 30], и «глаголом, жгущим сердца людей» [Пушкин, 1948, с. 31] у Пушкина.

Разумеется, доказать, что все эти контексты ощущались Лопатто в процессе создания «Посещения», мы не можем. Но и бессознательный характер интертекстуальных переключек и связей не отменяет заочного диалога с пушкинской поэзией, характеризующего, безусловно, сущностные черты лирики Лопатто. Не будет ошибкой, если мы скажем, что заметки на полях пушкинских стихотворений трансформировались у Лопатто не только в научные доклады, статьи и монографии, но и в поэтические опыты, способные оживать, как он и надеялся, «через годы <...> в иных устах» [Лопатто, 2015, с. 79]. Вдохновение, которое черпал Лопатто в лирике Пушкина, становилось залогом его собственного художественного воскрешения.

Список литературы

1. *Абрамовских Е.В.* Типология креативной рецепции незаконченного текста (на материале дописываний незаконченных произведений А.С. Пушкина // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2007. – № 5. – С. 57–64.
2. *Гржибек П.* «Опыт введения в теорию прозы»: 3. Забытое наследие М.О. Лопатто с точки зрения квантитативной лингвистики // Антропология культуры. – Москва : Институт мировой культуры МГУ, 2015. – Вып. 5. – С. 367–383.
3. *Жирмунский В.М.* Композиция лирических стихотворений. – Петербург : ОПОЯЗ, 1921. – 107 с. – (Сборники по теории поэтического языка).

---

¹ Жажда, которой томима Психея, имеет, конечно, не духовную, а эротическую природу. Но это не отменяет формальной близости обозначенных одним и тем же словом состояний в стихотворениях Пушкина и Лопатто: человек, например, может быть одинаково томим как «жаждой знаний», так и «жаждой страсти».

4. *Лопатто М.О.* Я не гость, не хозяин – лишь имя... Стихи, проза, письма / под общ. ред. С. Гардзонио. – Москва : Водолей, 2015. – 480 с.
5. *Осват А.Л., Тименчик Р.Д.* «Печальную повесть сохранить...»: об авторе и читателях «Медного всадника». – Москва : Книга, 1985. – 350 с.
6. *Пушкин А.С.* Полное собрание сочинений : в 16 т. – Москва ; Ленинград : Изд-во АН СССР, 1937. – Т. 6 : Евгений Онегин. – 700 с.
7. *Пушкин А.С.* Полное собрание сочинений : в 16 т. – Москва ; Ленинград : Изд-во АН СССР, 1948. – Т. 3, кн. 1 : Стихотворения, 1826–1836. Сказки. – 635 с.
8. Пушкинист. Историко-литературный сборник / под редакцией проф. С.А. Венгерова. – Петроград : Фототипия и Фотография А.Ф. Дресслера, 1918. – № 3. – X, 63 с.
9. *Тименчик Р.Д.* Тынянов и некоторые тенденции эстетической мысли 1910-х годов // Тыняновский сборник : Вторые Тыняновские чтения : сб. ст. – Рига : Зинатне, 1986. – С. 59–70.